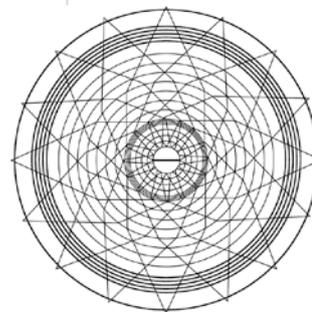


[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



THE MEDIUM IS THE SOOBSHCHENIYE: МАКЛЮЭН И МЕДИА В СССР

Болатаев В. В.

Аналитик Mail.ru Group

Уппит О. В.

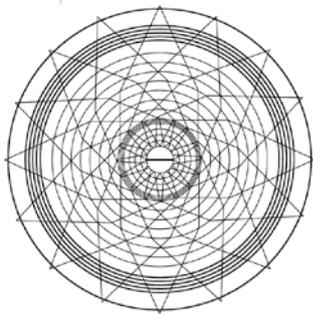
автор в изданиях InLiberty, Apparat, SkillboxMedia и других
uppitoleg@gmail.com

Аннотация:

При обращении к Маклюэну сразу же возникает неразбериха с интерпретациями его работ: известный конфликт медийного, историко-философского и технологического дискурсов не позволяет проводить ясную оценку и дифференциацию конкретных аспектов, которые обладают материальным подтверждением. В мейнстриме медиаисследований Маклюэн маркируется как медиатеоретик и философ, но в то же время использование плодов его интеллектуальных усилий стало частью ряда идеологий. В этой статье мы попробуем реконструировать рецепции Маклюэна в современном ему марксизме как одной из основных идеологий холодной войны. Подобного рода эвристический анализ может стать важной частью *soviet studies*, поможет взглянуть на теорию коммуникаций в СССР и репрезентировать основные тенденции в дискурсе диалектического материализма с точки зрения истории идей применительно к эволюции медиа.

Ключевые слова: Маршалл Маклюэн, СССР, советский режим, медиа, *soviet studies*

Вопрос о том, как в Советском Союзе существовали и действовали медиа, сам по себе — пространство белых пятен, территория, нуждающаяся в тщательнейшем картографировании. Существующие работы в области *soviet media studies*, например, вышедший в 2006 году под редакцией Ханса Гюнтера и Сабины Хенсген сборник статей «Советская власть и медиа» (2006), опубликованный по итогам прошедшей тремя годами ранее в университете немецкого Билефельда одноименной конференции, или предшествовавшая ему



[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР

публикация материалов цикла лекций «Муза Власти» (Murasov, G. Witte 2003), прочитанных Мурашевым и Витте, сосредотачивают свое внимание на историческом промежутке между Октябрьской революцией и вступлением Страны Советов во Вторую мировую войну. Период становления «молодой советской республики», яростные вихри эпохи авангарда и постепенное охлаждение революционного жара, сопровождающееся забронзовением власти, — несомненно, привлекательный период для исследования с точки зрения истории идей. Именно в эту эпоху массовыми становятся радио и кино, под напором укрощенной идеологией футуризма трещат традиционные литература и изобразительное искусство. Резко изменяется стиль плаката и карикатуры. Устремившись навстречу индустриализации, крестьяне несут с собой «слуховую» культуру¹ и встречают гутенберговскую. Вальтер Беньямин, будучи в эти годы с визитом в Москве, писал в своем «Дневнике», что в улицах столицы советского государства «прячется русская деревня» (Беньямин 2012: 45).

В данной статье мы проанализировали пласт исторических источников о медиа и исследованиях медиа советского периода. В первую очередь мы опирались на основные тексты советского времени, упоминающие имя Маклюэна, как научные, так и публицистические. Кроме того, мы хотели бы рассмотреть все то, что сам Маклюэн и его современники говорили о СССР в контексте медиа.

Исследование довоенного периода существования СССР с точки зрения становления новых способов коммуникации, их развития и проникновения в мир, взаимодействия с широкой аудиторией и превращения в собственно «массмедиа», средства массовой информации, безусловно, имеет большое значение. Однако мы хотели бы предложить сместить фокус на период более поздний — хрущевскую оттепель и последовавший за ней период застоя. Дело в том, что страна, в которой медийные инструменты стали по-настоящему массовыми и уже успели превратиться в часть повседневности, обрести черты привычных элементов культурно-информационного пейзажа, тем не менее оставалась пространством все еще во многом архаичным. Процессы, начало которым было положено в 1920–1930-е годы, не смогли вполне завершиться, и зачастую город еще не столько ассимилировал упомянутую Беньямином «деревню», сколько срастался с ней. Причиной этому, вероятно, служил затянувшийся период исторических потрясений, которые не давали системе стабилизироваться и прийти в устойчивое состояние. Путешествия этнографов, собирающих культурные артефакты устного наследия всего в нескольких сотнях километров от центральных городов, могут служить косвенным свидетельством того, что «слуховая» культура еще не была поглощена письменной, при этом уже

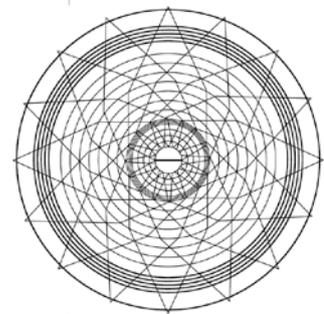
¹ Про слуховую культуру в медиа можно посмотреть здесь: Шерель А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки. М., 2011.

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

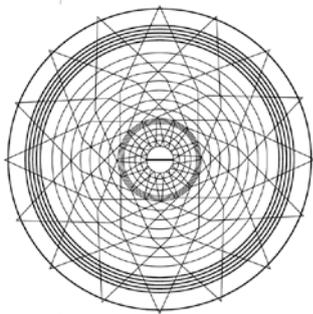
The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



встретившись не только с газетами, но и со второй волной устных медиа — радиопередачами, а кое-где уже и телевидением.

Парадоксально, но то, что описывал в своем «Дневнике» Вальтер Беньямин, оказывалось верно не только для середины двадцатых годов, но и кое-где для советских шестидесятых. «Крестьяне — не только один из наиболее интересных объектов, но и важнейшая публика русского кино как средства просвещения. С помощью кино им пытаются разъяснить основы исторических, политических, технических и санитарно-гигиенических знаний. Однако при этом возникают трудности, решения которых пока нет. Крестьянское восприятие принципиально отличается от восприятия городских масс. Например, выяснилось, что сельская публика не в состоянии следить за двумя параллельными действиями, как это часто встречается в каждом фильме. Она следит только за одной-единственной последовательностью изображений, которые должны быть хронологически организованы, как трагическая история, рассказываемая уличным певцом. После того как неоднократно обнаруживалось, что сельская публика воспринимает серьезные места как нечто невероятно комичное, а комические, напротив, — серьезно, почти со слезами, началось специальное производство фильмов для передвижных кинотеатров, проникающих до самых крайних рубежей России к народам, которые никогда не видели ни городов, ни современной техники. Воздействие кино и радио на такие коллективы представляет собой один из величайших экспериментов по этнической психологии, проходящих сейчас в гигантской лаборатории под названием Россия. Разумеется, главную роль в кино на селе играют образовательные фильмы любого рода. <...> В связи с этим сейчас подумывают о создании Института изучения зрителей, в котором можно было бы экспериментально и теоретически исследовать реакцию такой публики» (Беньямин 2012: 125-126). Упомянутый немецким философом Институт так и не был создан, а этнографы, коллекционирующие старые пословицы и песни, не были в достаточной степени осведомлены о медиатеориях, поэтому свидетельствовать о тогдашнем состоянии взаимодействия сельских масс и технологических средств коммуникации могут только косвенные признаки. Поразительно, но таких исследований не проводили и представители советской пропагандистской машины, по всей видимости, достаточно самоуверенные, чтобы полагаться на универсальность ее функционирования, либо игнорировавшие такого рода нюансы. Тем не менее тот факт, что исследования наследия архаической культуры можно было проводить, не слишком отдаляясь от городских центров, сам по себе говорит о многом. В эту же эпоху Маршалл Маклюэн в своей «Галактике Гутенберга» замечает подобное вышеописанному восприятие кино у африканских племен — так ли далека была «дописьменная» культура от, казалось бы, уверенно вставшей на ноги современной культуры в СССР? Смотря на Советский Союз времен оттепели и застоя, мы видим культуру, уже побывавшую на авангардном фронтире, но в сталинское время претерпевшую



[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР

ренессанс консервативных концепций. Из-за этого наступление НТР, с ее глубиной проникновения медиа, страна во многом встретила с обществом, находящимся в состоянии, недалеко ушедшем от 1917 года.

Вторит этой позиции важный соавтор Маклюэна Нортроп Фрай (Northrop Frye) в сборнике “Explorations in communications”, где объясняет этот архаизм спецификой консервативности всех советских социальных архетипов: «Советская Россия очень гордится своей продукцией тракторов, но пройдет некоторое время, прежде чем трактор заменит серп на советском флаге»². Это характерная постановка вопроса об архаизации и медиа в целом перекликается и с идеями Маклюэна о новых медиа и официальной культуре. Все новые средства массовой информации, включая прессу, — это формы искусства, которые обладают способностью внушать, подобно поэзии, свои собственные предположения. В своей работе “Media Log” в этом же сборнике Маклюэн описывает подобный архаизм как неправильное использование имен: «Новые средства массовой информации — это не способы связать нас со старым „настоящим“ миром; они являются реальным миром, и они по своему усмотрению изменяют то, что осталось от старого мира. Официальная культура по-прежнему стремится заставить новые средства массовой информации сделать работу старых СМИ. Но безлошадный экипаж не делал работу лошади; он отменил лошадь и сделал то, что лошадь никогда не могла».

Это противоречие между официальной культурой и новыми медиа в случае Советского Союза Маклюэн видел в призме мрачности и общей замкнутости культуры в России: «Российская жесткая экономия основана на страхе новых СМИ и их способности трансформировать общественное существование. Россия стоит на статус-кво 1850 года, который произвел Маркс. Там культура заканчивается. Русская революция достигла стадии книжной культуры».

Озвучив проблему столь широкую и объемную, мы хотели бы в этой статье взять на себя труд осуществить один из аспектов предварительной подготовки к исследованию этой темы. Рассмотрев некоторые грани советского медийного пространства 1960–1970-х годов и то, как медиатеория встретила с господствовавшей в тогдашнем Союзе идеологией, мы хотели бы сосредоточиться на том, как представители советской культуры относились к отцу современной медиатеории Герберту Маршаллу Маклюэну и какой образ этого мыслителя выстраивали они для своей аудитории.

Иннис и канадская теория коммуникации о Советском Союзе

«В Соединенных Штатах и Англии свобода слова — это само право в абстрактном выражении, и оно ценится здесь как таковое. С другой стороны, в

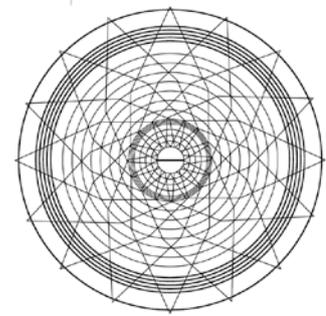
² Explorations in Communication: An Anthology. Boston, 1966.

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



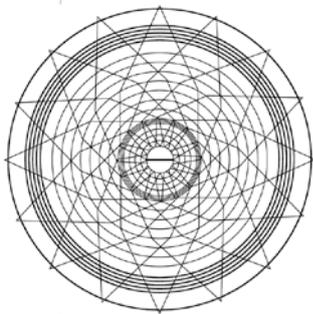
Советском Союзе результаты свобод находятся в фокусе внимания, а само обладание свободой является вторичным. Именно в этом причина, из-за которой дискуссии между представителями советской и англо-американской культур характерно не достигают абсолютно никакой договоренности по конкретным пунктам, хотя обе стороны заявляют, что должна быть свобода прессы. Американец говорящий о свободе выражения мнений, вправе говорить или не говорить уже о некоторых вещах: и это право, которое он утверждает, существует в США, а не в Советском Союзе. Представитель Советов обычно говорит о доступе к средствам выражения, а не о праве говорить вещи вообще, утверждая, что с точки зрения доступа к <медиа> большинство лишено свободы слова в Соединенных Штатах и она существует для большинства в Советском Союзе»³.

Этот известный пассаж Алекса Инкелеса не только демонстрирует положение вещей, сложившееся в вопросах медиа при исследовании Советского Союза, но и подчеркивает известные возражения Маклюэна на подобные правовые и институциональные взгляды, которые, однако, не сводились только к этому. Канадская теория коммуникации, наверное, могла бы быть описана как находящаяся между двумя полюсами имен Маклюэна и Инниса. Они были главными тамошними критиками современности, как минимум сопоставимыми с европейскими критическими теоретиками Теодором Адорно и Вальтером Беньямином. В своих во многом похожих на беньяминовские дневниках Иннис подчеркивал такой аспект своего понимания состояния медиа в СССР: все империи выбирают коммуникации, обращенные преимущественно либо во время, как Древний Египет, либо в пространство, как Древний Рим. Цивилизационный подход демонстрировал черты сменяющих друг друга цивилизаций в зависимости от доминирующей модели коммуникации, каждая из которых формирует исторически-характерный облик общества. В 1945 году Иннис совершает путешествие в Советский Союз и публикует воспоминания о нем в виде дневника и конспектов нескольких выступлений на конференциях⁴.

В этих материалах он описывает достаточно традиционные общие места истории советских медиа: отсутствие рекламы, умеренную критику сложившихся неудачных производств и последнее по списку, но не по значению — слухи: само понятие общественного мнения является здесь производным не от прессы, а от слухов. Поэтому информированность людей о текущих событиях и общественно-значимых проблемах на Западе и Востоке совершенно разная. Иногда даже весьма подготовленные западные дипломаты, работающие в России много лет, теряются в догадках о характере происходящих в стране событий из-за недостатка объективной информации.

³ Social change in Soviet Russia. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1968.

⁴ Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writing by Harold A. Innis. Toronto, 1981.



[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР

В сочетании с анализом времени и пространства это дало результат, весьма похожий на то, что декларировала марксистская франкфуртская школа, что позволило Иннису материально продемонстрировать то, что Адорно и Беньямин доказывали философски: монополии мысли бессвязны⁵, потому что они всегда маргинализируются кем-то и строят свои полные противоположности. «Большинство организаций, — писал он, — выглядят как тела, основанные на безболезненном исчезновении идей основателей». Этот глубоко материальный подход был вкладом Инниса в более широкие темы, которые он изучал: критику модернизации, поиск человеческого времени и новой, основанной на слухах парадигмы.

Это позволило ему расширить свое изучение институтов до анализа культурного восприятия и ценностей, наполняющих институты. Более того, он провел это исследование с помощью значительно расширенной справочной литературы, большая часть которой была сосредоточена на истории западной мысли. Как следствие, его поздние сочинения стали более философскими. Подобно Адорно и Беньямину, он, как и Маклюэн, рассматривал важность звука как основного носителя медиа.

Марксизм и медиатеория

История и социология интеллектуальных учений нередко подвергается переосмыслению со стороны их представителей. Во многих случаях таким ревизиям подлежат основные положения и интуиции движений, причем настолько глубокие, что для основателей учения подобного рода пересмотры не могли стать частью их собственного учения. Этот феномен изначально сопутствовал и марксизму, что отчетливо видно даже по современникам Карла Маркса.

Трансформация марксизма в диалектический материализм (и исторический тоже, который являлся составной частью первого, несмотря на ряд отличий) стал важной вехой для создания советской идеологии, но при этом именно такая трансформация позволила исследователям разрабатывать и интерпретировать ряд вопросов и проблем, которые в классическом марксизме XIX века не могли выступать на ключевых ролях. Так обстояло дело с методологией исторической науки (Сартр 1994), философией техники, проблемами естествознания (Богданов 1918) и медиа.

Данная трансформация, происходившая в СССР в тридцатые годы, смогла захватить практически весь академический дискурс и является одной из основных причин, в силу которых марксизм подавал некоторые темы формализованно и в едином ключе: здесь и идеологическая цензура, и

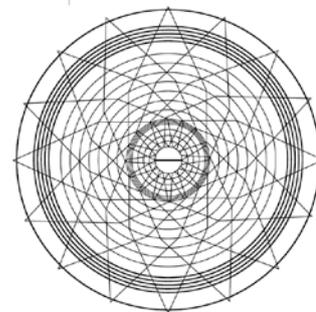
⁵ Judith Stamps. *Unthinking Modernity: Innis, McLuhan, and the Frankfurt School*. London, 2001.

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



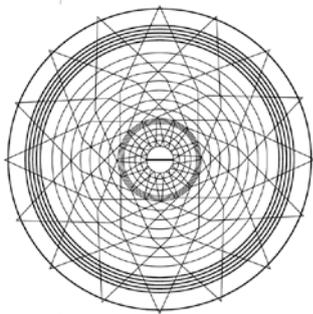
восприятие медиа как «буржуазного» явления. Конечно, и сейчас мы слышим голос ученых-интеллектуалов вроде Славоя Жижека с его медийным восприятием марксизма (Жижек 2003), но едва ли такие отдельные мнения могут стать частью восприятия марксизма после СССР. И хотя марксизм в изводе ленинизма предполагает универсальное объяснение научных дисциплин и общественных форм сознания, теория коммуникаций находилась на окраине дискурса, будучи традиционно интерпретируема как недостойная пристального внимания. На это было несколько причин, в первую очередь — участие в устройстве медиа частного капитала, который изначально получал оценку «буржуазного», а следовательно, враждебного.

В то время, когда исследователи отмечали ряд центров исследования теории коммуникаций и медиа, в марксистском дискурсе выстраивалась специфическая география интеллектуальных направлений, и ни одно из них не могло претендовать на центральное место. Это прежде всего Дьердь Лукач (Лукач 2003) с его нетрадиционными взглядами на классовое сознание, франкфуртская школа марксизма с психологизмом в основе анализа и, конечно же, Антонио Грамши (Грамши 1991), интерпретирующий классовую борьбу как борьбу идей, а журналистов вписывающий в пролетариат. Все эти взгляды были либо враждебны господствующей идеологии (франкфуртовская школа), либо, наоборот, ситуативны (Грамши) и не могли взять на себя роль генетического потомка или хотя бы ближайшего родственника диалектического материализма.

Но, несмотря на некоторый идеологический ценз, эмпирическое положение журналиста, теоретика медиа или исследователя СМИ в СССР являлось достаточно современным и терминологически оснащенным: издавались специализированные референтные журналы с анализом западной прессы, факультеты журналистики готовили новых специалистов в русле последних тенденций и технологий, а спецхран открывался для исследователей (пусть и идеологически проверенных).

Медиа никогда не становились предметом целенаправленного исследования советскими мыслителями-марксистами, марксистами-ленинистами. Сама встреча двух значений слова «медиация», через призму понятия которой сегодняшние наследники Маркса смотрят на медиа — классического «посредничества», *Vermittlung*, и того, что было порождено теориями и концепциями, посвятившими себя осмыслению роли медиа, *media studies*, — произошла в философском пространстве, существовавшем параллельно действующему в Стране Советов дискурсу, а развитие свое получила и вовсе после того, как диалектический материализм отошел на задний план мировой мысли.

Однако в советском дискурсе уже подспудным образом, латентно, содержались идеи, которые озвучил Маклюэн в своих работах. В работах Маркса довольно и критики консюмеризма, и намеков на то, что медиа могут



[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР

быть удачной метафорой для одной из центральных тем его раннего творчества — отчуждения. Нелишне вспомнить и то, что сам Маркс был журналистом. Через эту призму можно увидеть, что и его «отчуждение» было введено вполне в русле того, как существовали и развивались современные ему медиа.

Маршалл Маклюэн в советском восприятии

Всё же для марксиста медиа — лишь один из элементов надстройки, Überbau. Информация для него — всегда предмет, результат производства, в лучшем случае элемент «медиации» — «посредничества», порождающего прибавочную стоимость труда. В картине мира, построенной на «ориентации социальных субъектов на социальные структуры, которые их связывают»¹¹, медиа никогда не могли перестать восприниматься не как нечто «сделанное», а как что-то «делающее». Поэтому советская школа мысли лишала их живой субъектности, понимая информацию исключительно как инструмент, и инструмент пропагандистский — в собственных ли руках или в руках своих противников на Западе.

Для Маклюэна же медиа — двигатель исторического процесса, живая плоть информации, и разговор о них для него — разговор о мироустройстве. Чувствительность к эволюционному перетеканию одних способов трансляции в другие, устремленность взгляда в только еще начинающуюся постиндустриальную эпоху и пророческое осознание масштабов изменений, которые она несет, отличавшие работы Маклюэна, не могли не вызвать внутреннего протеста у представителей советской культуры, ставшей к тому моменту, как он попал в их поле зрения, чрезвычайно консервативной.

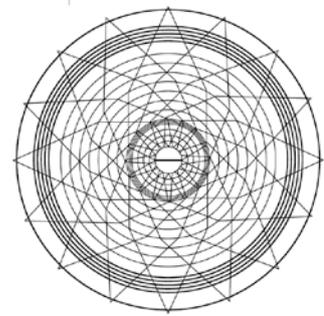
Так, «книговед академик А. Сидоров полемизировал с Маклюэном на страницах „Книжного обозрения“, утверждая, что галактика Гутенберга на самом деле есть не галактика, а Вселенная» (Козлова 1998), будто бы стремясь защитить «культуру книги» от посягательств автора, осмелившегося рассматривать масскульт без критики, а с живым интересом. Одна из первых исследовательниц творчества Маклюэна в Советском Союзе (и его тайная почитательница, которая смогла говорить об этом прямо только после падения советской власти) (Архангельская 2010) Наталья Козлова в своей кандидатской диссертации (Козлова 1976), увидевшей свет в 1976 году, пишет, что Маклюэн «предложил изучать массовую культуру в ее собственных терминах, а не с точки зрения классической традиционной культуры. Культуре было дано определение системы коммуникаций, и Маклюэн отказался от анализа интеллектуального и морального содержания культуры, то есть от качественного, ценностного подхода» (Козлова 1976: 9). Для принятого советского дискурса такой подход был, конечно, неприемлем. Более того, подчеркивает Козлова, «для исследования своего предмета — массовой культуры и массовой коммуникации — Маклюэн использует его язык и стиль» (Козлова 1976: 10). Не это ли стало

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



одним из тех ключей, которые Маршаллу Маклюэну удалось подобрать к сердцам и умам советских читателей? Привычный к эзопову языку, советский интеллигент поднатерел в умении видеть за критикой оригинальные концепции и привлекательные идеи.

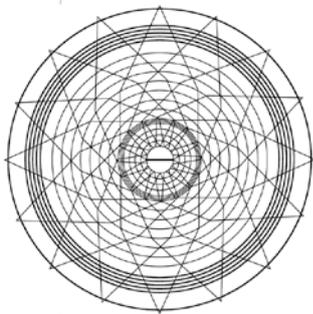
Ситуацию, в которой оказалась Козлова, метко описывает И.Б. Архангельская: «В контексте требований времени Н.Н. Козлова, несмотря на увлечение идеями канадского ученого, подвергла критике его концепции, поскольку они противоречили принятой в те годы марксистской теории» (Архангельская 2010: 13). В 1998 году сама Козлова рассказывает, что «запретный плод был сладок. Маклюэновская культурная типология влекла тем, что, казалось бы, подвергала ритуальному переворачиванию формационную теорию.

Маклюэн вызывал любопытство в контексте советского просвещения еще и отсутствием меланхолического или даже скорбного тона, столь свойственного как традиционалистской, так и либеральной или марксистской критике новых типов культуры. Маклюэна несколько не волновала утрата ауры и гуманистических идеалов, просветительских иллюзий, равно как проблема отчуждения и одномерности массового человека. Он писал обо всем этом без скорби об утратах. Тогда он казался новым Панглосом, ибо мы сами питали иллюзии относительно истинной культуры. Он выступал учителем нового типа письма о массовом, банальном и низком — без демонизации и страха, но с вниманием к феномену» (Козлова 1998).

И именно это становилось одним из центральных объектов критики «маклюдизма» в советской печати. Так, А.В. Кукаркин в своем научно-популярном сборнике «По ту сторону расцвета», посвященном критике «буржуазной культуры», с одной стороны, вполне благосклонно отзывавшийся об Элвине Тоффлере с его «Третьей волной», с другой — развивает эту линию, говоря: «Остается незыблемой идеалистическая мифологизация как всей концепции массовой культуры, так и отдельных ее проявлений, звеньев. Массовая культура представляет собой продукт именно XX столетия. Кроме того, мифологическая тенденция в идеалистической философии становится ведущей в переходную эпоху, в период кризиса идеализма, когда постепенно исчезает его социальный фундамент» (Кукаркин 1981: 235).

Интересно, что именно этот сборник стал самым многотиражным изданием, включавшим значительный фрагмент текста Маклюэна в Советском Союзе.

Кукаркинская критика цитируемого им «Средство само есть содержание» (что это — нарочито вычурно-неуклюжий перевод или отсутствие в тогдашнем языке устойчивых слов для перевода адекватного?) сосредотачивается на том, что «все формы вульгарного материализма, включая социал-дарвинизм и его современный рецидив — технический детерминизм, решительно отвергают марксистскую концепцию общественного бытия как исторический процесс



[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР

взаимодействия индивидов и классов и солидаризируются с неисторическими доктринами идеалистической философии, которые стремятся увековечить существующие материально-производственные отношения, так или иначе приспособить к ним общественное сознание» (Кукаркин 1981: 236). Развивая это мнимое противопоставление индивида и технологии, Кукаркин пишет, что «фетишизация техники приводит к нематериалистическому взгляду на общественное устройство, к игнорированию того факта, что одни и те же тенденции научно-технического прогресса дают различные, а порой диаметрально противоположные результаты в разных социальных системах. Идеализм автора проявляется и в его призыве «обращаться к средству информации, а не к программисту» (Кукаркин 1981: 233), вновь отказывая информации в наличии субъектности и оставляя за скобками контекст, в котором Маклюэн дает эту рекомендацию, говоря: «Информация, обработанная вашей средой, есть пропаганда. Пропаганда кончается там, где начинается диалог. <...> Говорить с программистом — всё равно что жаловаться продавцу булочек с сосисками у входа на стадион на плохую игру вашей любимой команды» (McLuhan, Fiore 1967: 142).

Интересно, что, стремясь защитить свою мысль о том, что «маклюдизм представлял собой, тем не менее, целенаправленную концепцию современного технологического детерминизма» (Кукаркин 1981: 233), он не чурается цитировать и западных критиков. Например, обращается к авторитету бывшего советника президента Кеннеди Артура Шлисинджера (Кеннеди воспринимался как «дружественный» Советам глава США): «Это хаотическое сочетание слабых утверждений, пронизательных предположений, ложных аналогий, блестящей интуиции, шокирующего циркачества, остроумия и ораторских мистификаций — всё самонадеянно и неразборчиво смешано в бесконечном и беспорядочном монологе» (Кукаркин 1981: 233).

При этом, приводя цитату из неназванного автора, назвавшего «Media is the Massage» «философией в ключе поп-арта» (Кукаркин 1981: 233), и цитату из Шлисинджера, которая вообще-то не столько критикует, сколько презентует книгу Маклюэна, располагаясь на ее задней обложке, а значит, служит инструментом повышения ее продаж, пусть и через такую шокирующую форму, Кукаркин воздерживается от того, чтобы давать выдержки из критиков более предметных.

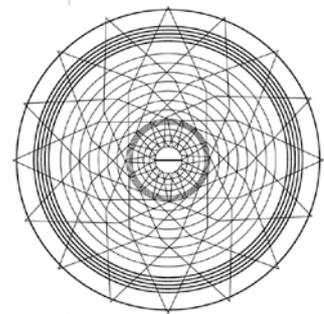
Можно, впрочем, предположить, что это связано с тем, что западная критика «Media is the Message» и «Галактики Гутенберга» и сама была вполне «поп-артовской». Так, специалист по массовой культуре Двайт МакДональд не чурается играть словами, характеризуя «Понимание средств коммуникации» не как «чистый бред» (“pure nonsense”), а «нечистый» (“impure nonsense”) бред, над которым надругался разум (“impure nonsense adulterated by sense” – Rosenthal 1969: 31); многих других задевало то, что университетский профессор смог

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

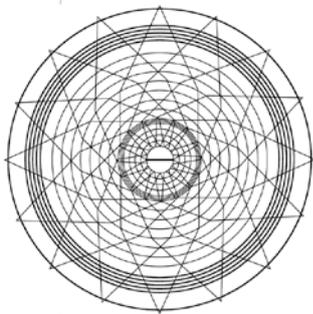
Маклюэн и медиа в СССР



добиться статуса сродни рок-звезде или актеру Голливуда, на что намекает, например, Кристофер Рикс, называя «Понимание средств коммуникации» худшей и наиболее продаваемой книгой (“the worst and... the best-selling”), в то время как конструктивную критику в этом потоке встретить можно было не часто. Пожалуй, из известных и в то же время не переигрывающих с сарказмом западных оппонентов Маклюэна можно вспомнить только социолога Тома Наирна, в своей статье «Маклюэнизм — миф нашего времени» (“McLuhanism: the Myth of Our Time”) отмечающего противоречия и неточности в трудах Маклюэна, но ставящего ему в заслугу то, что его книги стимулируют интерес к исследованию медиа (Архангельская 2010: 192-193).

Небезынтересен феномен того, как возникший изначально в западной критике термин «маклюэнизм» удачно прижился на советской почве. Ранний пример этого привития приводит Архангельская: «В 1973 году в сборнике статей „Мода: за и против“ была опубликована статья российского исследователя А.П. Мидлера „Как «маклюэнизм» стал модой“ (Мидлер 1973), в которой автор обрушился с критикой на маклюэновскую „гипотезу ступеней развития человеческой цивилизации“, где главную роль играют средства коммуникации. Советский философ упрекнул Маклюэна в игнорировании марксизма. Это замечание было тогда обязательным в научных кругах СССР, но достаточно нелепым, если принять во внимание негативное отношение канадского теоретика медиа к коммунизму, социализму и атеизму. Судя по всему, А.П. Мидлер был увлечен теорией Маклюэна, но иная форма ее обсуждения в те годы была невозможна. Мидлер прочел основополагающие труды канадского исследователя медиа, а также ряд критических работ о нем, которые были доступны советскому человеку. Обличая и одновременно защищая канадского ученого, А.П. Мидлер пишет, что Маклюэн, не осознавая того, подверг критике буржуазное общество изнутри. Само появление подобной статьи о Маклюэне могло стать новым явлением в советском исследовании медиа и культуры (даже критика буржуазных учений и теорий в те годы помогала ученым узнать новые западные тенденции и имена), но эта работа не получила резонанса в научных кругах. Одной из причин, несомненно, было то, что статья была опубликована маленьким тиражом в сборнике, посвященном теории моды» (Архангельская 2010: 13-14).

В то же время стоит признать, что некоторым представителям советской интеллектуальной элиты удавалось незаметно протаскивать через цензурные барьеры и положительные отзывы о Маклюэне и его творчестве. Так, Андрей Вознесенский в своем тревелогe «Ау, Ванкувер» так описывает свою встречу с автором “Medium is the Message”: «В разговоре он ясен и метафоричен, как алгебра. Он вряд ли читал Хлебникова, но ключ к Маклюэну — в хлебниковской фразе: „Человечество чисел, вооруженное и уравнением смерти, и уравнением нравов, мыслящее зрением, а не слухом“» (Вознесенский 1971: 494).



[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.
*The medium is the soobshcheniye:
Маклюэн и медиа в СССР*

Теплохладные медиа

Парадокс существования медиа в Советском Союзе — в том, что между базисной основой идеологии СССР и ее практической реализацией во времена брежневского застоя и смежные с ним эпохи образовался непреодолимый разрыв. Ответом на это служит маклюэновское «информация, обработанная вашей средой, есть пропаганда. Пропаганда кончается там, где начинается диалог» (Цит. по Кукаркин 1981: 232), пусть и говорящее о «среде» в принципе as is, а не конкретно о той удушливой атмосфере цензуры, в которой оказались заперты советские медиа.

Изначально именно марксизм был, пожалуй, самым медийным из политических учений. Отцы-основатели были журналистами, ключевые определения марксизма — такие как ленинский класс — существовали как журналистика на страницах газет. Генезис этот формально был вызван революцией, которая сама была понята первично как медийное явление — отсюда и захват почты и телеграфа, инструментов распространения информации в октябрьском Петрограде. Идея революции, конечно же, глубоко медийна, и классической ленинизм — про потоки информации. Коммунист — человек, овладевающий всеми знаниями мира.

Однако контрреволюционная по своей природе, стагнирующая идеология Советского Союза, начиная со Сталина, не могла оставаться медиазависимой. Ей необходимо было обуздать эту стихию наравне с другими, она не могла позволить мысли реять где той угодно.

Коммунист, покоряющий вершины мировой культуры, — человек гутенберговский. Скачок к нему был совершен средствами модерна, но, хотя их использование по своей природе ведет дальше, стихийно перемещаясь в постмодерновую эпоху, это создает неустойчивость и недопустимо в Союзе.

В маклюэновской Глобальной Деревне слишком много всемирности для марксизма, оказавшегося запертым за железным занавесом, обрубавшим информационные связи. Называя массовую аудиторию потенциально творческой, причастной изменениям силы, говоря, что «все мы невольно стали движущей силой общественных перемен» (Кукаркин 1981: 231), Маклюэн оказывается для советской идеологии слишком «троцкистом».

Вопреки обвинениям он пишет и про уход от механизации — а значит, и от той привычной среды существования, в которой бытует современная ему советская идеология.

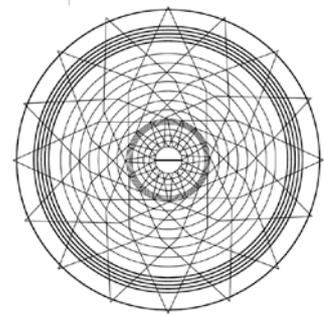
«Теплохладность» советских медиа, затрудняющая их маклюэнистскую классификацию, вызвана тем, что они находились под мощнейшим

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



идеологическим давлением, существовали в условиях «информационной блокады общества» (Левада 1994: 2-58)

Сами профессии, связанные с медиа, оказывались в этих условиях не тем, чем казались, — дикторы были пропагандистами, а журналисты-международники имели погоны разведывательных служб.

Изучение того, как с точки зрения созданной Маршаллом Маклюэном теории существовали, развивались и взаимодействовали с аудиторией медиа второй половины существования Советского Союза, — дело будущего. Предстоит рассмотреть, какова роль эзопова языка, благодаря которому удавалось проносить оригинальные мнения и идеи через идеологические барьеры, и осознать в этом контексте, что, например, «По ту сторону расцвета» Кукаркина пережила несколько переизданий не из-за своей критической ценности, а потому что почти наполовину состояла из цитат произведений, доступных полностью только в спецхранах. Своих исследователей ждут такой феномен, как «детская литература», или вопрос о том, насколько различались с медийной точки зрения работа «Кукрыниксов» и комикс-культура «буржуазного Запада». Не стоит забывать и о том, что под ледяной коркой «официальной культуры» бушевал живой океан самиздата, при том что во имя борьбы с этими явлениями власть готова была отказываться от использования таких прорывных технологий, как изобретенный советским ученым Синявкиным принтер. И, конечно, рассмотреть роль «голосов», звучащих через потоки помех на советской информационной карте, ведь сам Маклюэн пишет: «Если бы „Голос Америки“ внезапно переключился на джаз, Кремль мог бы запросто рухнуть. Это было бы почти так же эффективно, как если бы у русских граждан вместо нашей сумрачной пропаганды американского образа жизни вдруг появилась возможность потаращить глаза на копии каталогов „Сиэрс Робак“» (Маклюэн 2003).

БИБЛИОГРАФИЯ

Архангельская И.Б. (2010). Маршалл Маклюэн. Н. Новгород.

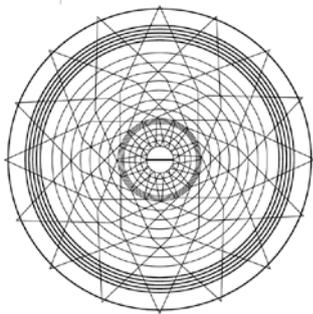
Беньямин В. (2012). Московский дневник. Москва.

Богданов А.А. (1918). Искусство и рабочий класс.

Вознесенский А.А. (1971). Ау, Ванкувер. Москва.

Грамши А. (1991). Тюремные тетради. Часть первая. Москва.

Жижек С. (2003). 13 опытов о Ленине. Москва.



[Научные Статьи]

Болатбаев В. В., Уппит О. В.
*The medium is the soobshcheniye:
Маклюэн и медиа в СССР*

Козлова Н.Н. (1976). Критика концепции «массовой культуры» Маршалла Маклюэна. Автореф. дис. на соискание уч. степени кандидата философских наук. Москва: Изд-во Моск. ун-та.

Козлова Н.Н. (1998). Маклюэн: контексты мифа // Пушкин. № 5(11).

Кукаркин А. В. (1981). По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. Издание третье, доработанное. Москва: Издательство политической литературы.

Левада Ю. (1994). Советский простой человек. Москва.

Лукач Д. (2003). История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Москва.

Маклюэн Г.М. (2003). Понимание медиа. Москва.

Мак-Люэн М. (2003). Галактика Гутенберга. Киев.

Мидлер А.П. (1973). Как «маклюдизм» стал модой // Мода: за и против / общ. ред. и сост. В.И. Толстых. Москва: Искусство.

Сартр Ж.-П. (1994). Проблемы метода. Москва.

Советская власть и медиа. Сборник статей под общей редакцией Ханса Гюнтера и Сабины Хенсен. СПб., 2006.

Die Musen der Macht. Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre / Ju. Muraš'ov, G. Witte (Hg.). Munchen, 2003.

McLuhan M., Fiore Q. (1967). The Medium is the Message. London.

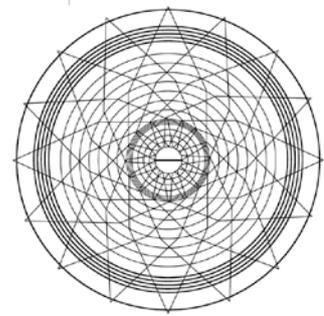
Rosenthal R. (Eds) (1969). McLuhan: Pro&Con. New York: Penguin Books.

[Научные Статьи]

Болатаев В. В., Уппит О. В.

The medium is the soobshcheniye:

Маклюэн и медиа в СССР



THE MEDIUM IS THE SOOBSHCHENIYE: MCLUHAN AND MEDIA IN THE USSR

Bolataev V.

Analyst at Mail.ru Group

Uppit O.

Author at InLiberty, Apparat, SkillboxMedia etc.

uppitoleg@gmail.com

Abstract:

The following article is dedicated to the perception of Marshall McLuhan ideas in Soviet Russia by Russian social scholars. The Authors give a context of Soviet disposition to McLuhan ideas; describe the sphere of social sciences in terms of Marxism and Soviet ideology. Receptions of McLuhan are reconstructed through the prism of these ideologies to show the specific of Soviet communication studies and main trends in soviet media studies of that period.

The authors also give a brief description of works of several Soviet and Russian scholars, who were inspired by the ideas of McLuhan. As it is shown in the article, the only possible way to get acquainted with the ideas of McLuhan was to criticize his theory with the addition of large pieces of translated original text in this critical review.

Keywords: Marshall McLuhan, «cool» and «hot» media, Soviet studies, USSR, Marxism, ideology

REFERENCES

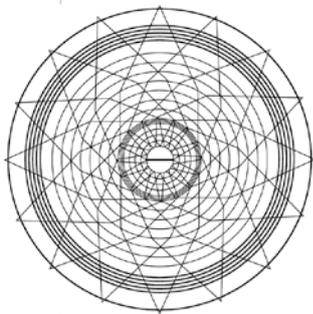
Arkhangel'skaya I.B. (2010). Marshall Maklyuen. N. Novgorod.

Ben'yamin V. (2012). Moskovskiy dnevnik. Moscow.

Bogdanov A.A. (1918). Iskusstvo i rabochiy klass.

Die Musen der Macht. Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre / Ju. MuraSov, G. Witte (Hg.). Munchen, 2003.

Gramshi A. (1991). Tyuremnye tetradi. Chast' pervaya. Moscow.



[Научные Статьи]

Болатаяев В. В., Уппит О. В.
*The medium is the soobshcheniye:
Маклюэн и медиа в СССР*

Kozlova N.N. (1976). Kritika kontseptsii «massovoy kul'tury» Marshalla Maklyuena. Avtoref. dis. na soiskanie uch. stepeni kandidata filosofskikh nauk. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta.

Kozlova N.N. (1998). Maklyuen: konteksty mifa // Pushkin. № 5(11).

Kukarkin A. V. (1981). Po tu storonu rastsвета. Burzhuaznoe obshchestvo: kul'tura i ideologiya. Izdanie tret'e, dorabotannoe. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Levada Yu. (1994). Sovetskiy prostoy chelovek. Moscow.

Lukach D. (2003). Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoy dialektike. Moscow.

Maklyuen G.M. (2003). Ponimanie media. Moscow.

Mak-Lyuen M. (2003). Galaktika Gutenberga. Kiev.

McLuhan M., Fiore Q. (1967). The Medium is the Message. London.

Midler A.P. (1973). Kak «maklyuenizm» stal modoy // Moda: za i protiv / obshch. red. i sost. V.I. Tolstykh. Moscow: Iskusstvo.

Rosenthal R. (Eds) (1969). McLuhan: Pro&Con. New York: Penguin Books.

Satr Zh.-P. (1994). Problemy metoda. Moscow.

Sovetskaya vlast' i media. Sbornik statey pod obshchey redaktsiey Khansa Gyuntera i Sabiny Khensgen. Saint-Petersburg., 2006.

Voznesenskiy A.A. (1971). Au, Vankuver. Moscow.

Zhizhek S. (2003). 13 opytov o Lenine. Moscow.